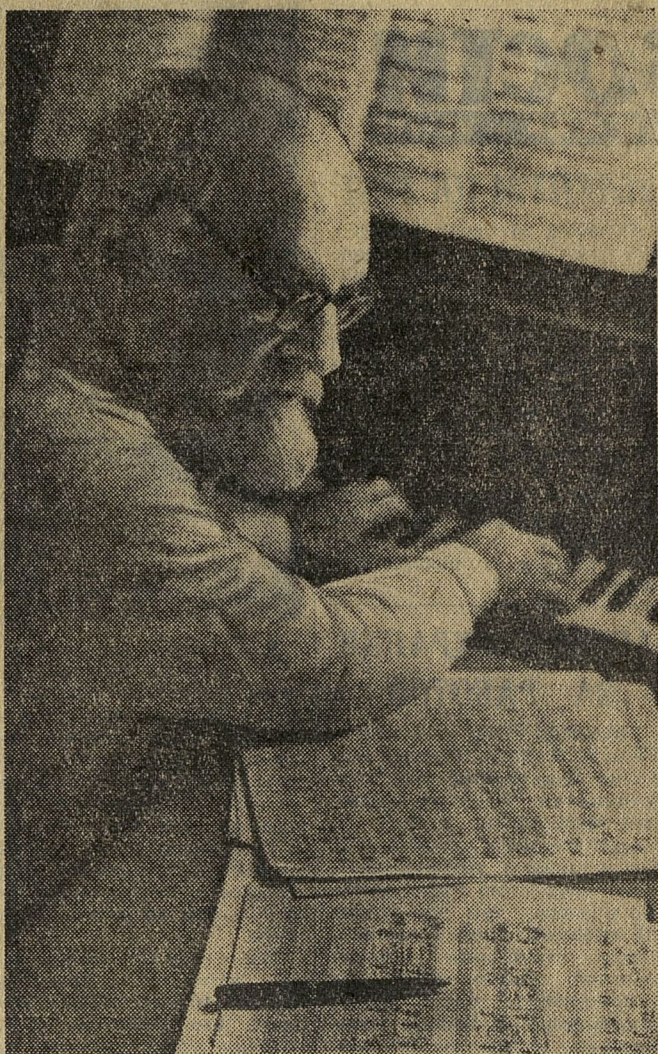

ВСТРЕЧА с А. А. Касьяновым

С АЛЕКСАНДРОМ Александровичем мы встретились после премьеры его оперы «Фома Гордеев». Разговаривать с ним трудно и легко. Трудно, потому что он уже несколько лет плохо слышит. Легко потому, что он простой, радушный, милый человек. И очень скромный.

В доме убежденного седина-маэстро чувствуешь себя, как в своем доме. И это прежде всего потому, что он — старейший русский композитор — принимает тебя всерьез. Всерьез в то время, как со стены его кабинета смотрит М. Балакирев. На портрете собственноручная надпись: «На добрую память дорогому Саше Касьянову». На рояле другой портрет: «Талантливому музыканту, пылливо добивающемуся путей к достижению идеалов в искусстве, симпатичному Александру Александровичу Касьянову от искренне расположенного к нему А. Глазунова». Подобных автографов много.

Согласитесь, что не так-то просто чувствовать себя свободным с человеком, который встречался с Шаляпиным и Репиным, с человеком, который называет Юрами и Борями мировых знаменитостей. И все-таки просто! Потому что другой бы кичиться стал своими юношескими встречами с гигантами мировой культуры, а он замечает:

— Эх, да не в коня корм. Молод был. Вот бы сейчас с ними поговорить...

Разговор, как водится, заходит о том, что нынче подморозило и дорожки ужасно скользкие, о том, что в семьдесят четыре года Александр Александрович ходит без варежек и надевает голицы, когда на дворе под тридцать и нужно нести портфель. Но разговор этот короток и сам собой переходит на тему о том, как Асафьев относился к работе Римского-Корсакова над рукописями Мусоргского, о том, почему Цезарь

Кюи ругал Чайковского, считая его плохим оперным композитором, о том, каков музыкальный язык Шостаковича. И так весь вечер.

Говорят, старость консервативна, в этом ее порок. А. А. Касьянов тоже кое-что не может принимать, но это его неприятие, как мне показалось, не имеет ничего общего с консерватизмом. Он не то чтобы «не принимает», скорее, наоборот, отличается большой терпимостью, дает заслуженную, высокую оценку новому явлению, но порой просто кое-что не любит.

— Музыкальный язык, по моему, не делится на современный и традиционный. Есть язык бездарный, а есть талантливый, — говорит он.

Постановку оперы А. А. Касьянова «Фома Гордеев» в новой редакции горьковчане встретили с особой теплотой.

Замечаю, что опера отличается внутренней цельностью, логической последовательностью, слитностью, в ней нет «номеров», разве только музыкальная заставка — песня типографских рабочих — стоит особняком. А. А. Касьянов говорит о том, с каким трудом пришлось снимать некоторые куски во имя общей цельности спектакля.

— Давным-давно в Работках баба пьяная, раздутая от алкоголя, с баржи слезает, а с ней мальчик с гусями, — вспоминает Александр Александрович и говорит, как эта запомнившаяся чуть ли не с детства музыкальная картинка трансформировалась в песне-пляске «Сентитюрихе».

В этот момент понимаешь, какой колоссальный фундамент знания жизни (ее музыкального выражения в том числе) необходимо иметь для того, чтобы создать такое произведение, как «Фома Гордеев». Музыкальная мысль композитора множится здесь на доскональное знание жизненного предмета, о котором идет речь.

О постановке своей оперы в новой редакции Александр Александрович говорит с чувством большой признательности всем, кто принял участие в работе над ней.

Е. ФИЛАТОВ.

НА СНИМКЕ: А. А. Касьянов. Фото В. Бородина.